

С.М.Зотова 09.03.91 г.

- Не было в то время

- Юра Бугельский?

- Да.

- А он не был даже арестован.

- Нет, он не был, потому что он не имел отношения никакого.

- А как Вы думаете, Софья Матвеевна, по какому принципу, вот, арестовывали? Как они выбирали, вот все же?

- Я думаю, что кто-то все-таки был там.

- Что кто-то дал показания?

- Кто-то дал показания, потому что попали очень странно. Там такие, которые действительно были, было напутано, и которые ездили. Вот, например, скажем, Господи, как ее звали...

- Енья.

- Енья Седова. Она все время была, работала, ее не тронули. Ничего. А вот попал Чижов, например, Коля, который отошел, уже совсем не было даже ни на одном. Я вообще его даже не знала до этого. Я его первый раз в Соловках увидела. Он совсем отшел. Володя тогда из его ребят, кто уехал, кто отшел. И вот один сейчас, сейчас он в Москве и причем он жив, потому что я знаю его даже. Он звонил как-то мне по телефону.

- А кто, Вы не помните?

- Я помню, я знаю. Он совершенно никакого отношения, он был в Володином, один из близких его, был в его...

- Отделении?

- Отделении, нет в его патруле, в его, по-моему, вроде даже помощником
в журнале

Замечательный журнал, самый лучший журнал, какой только был, это был у них СОХЯ Потому что потом от него вроде как бы выставку. Все эти журналы у Володи как раз были.

- Их все изъяли, да, при обыске?

- Их все... Я видела краем глаза, когда меня вызывали в ОГПУ. Как раз в день отъезда, когда их отправляли, меня вызвали, по-видимому, просто ему любопытно было посмотреть, этому, который там, какой-то молодой был. И я настолько была занята тем, что, вот, они уезжают, их отправляют, чтобы мне не задержаться, не опоздать, что я просто потом уже после только соображаю, что меня провели.

Вероятно, они смотрели, как на меня какое произведет впечатление. Понимаете, когда я проходила через две комнаты проходила, эти все были завешаны. Были журналы там, в общем, всякие материалы наши, но мне ни до чего уже было. Там такое было состояние. Но я так, вот, помню, все-таки я увидела СОХЫ на столе.

- А как они выглядели? Это были рукописные журналы, да?

- Были рукописные журналы. Они были такого большого формата, но они были, в основном, они были расчерчены. Володя сам их оформлял, а потом еще у них там один очень хорошо. Чиков это в его

как раз. Но к тому времени, когда, вот, арестовали, у него не было его ребят, патруль, его патруля, никого кроме него одного не оставалось, Володи. А Сережа был из другого, он был ЛОСЬ. Из другого патруля. Но, поскольку ЛОСЕЙ никого не осталось, Сережа, значит, к нему, и они были вдвоем. А последнее время уже, когда вот мы в такое уже время, то еще двое к нему. Они, кажется, один, во всяком случае, был точно ОЛЕНИ, а другой тоже не знаю, может быть, тоже ОЛЕНИ. Я точно не знаю.

- Это патрули так назывались: ЛОСЬ, ОЛЕНЬ, да?

- Да. У нас тогда звериные все были.

- А что это значило? Это были какие-то символы или просто по желанию?

- Да нет, это просто ну какое-то такое второе отделение там, такие-то, такие-то патрули.

- А у Владимира Семеновича был какой патруль?

- У него все время ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ.

- Да я помню, Вы говорили - Голубая Летучая мышь?

- Нет, просто ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ, просто ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ. Ему как раз, последний когда у нас был лагерь, последний уже в 25-м году. К нам, что-то я не помню, как получилось, у нас мы на даче там жили на этой вот дороге как раз, которой сейчас мы Брянская, и что-то Тася должна была ко мне приехать. Место мы хотели пойти посмотреть, где поехать где-нибудь, где лагерь устроить. Старались ведь так, чтобы и в деревне не знали, и, вообще, кто-нибудь особо, потому что мы это тайным образом делали, лагеря эти. И вот, когда она ко мне приехала, как раз перед ее приездом незадолго, тут ребята лазали, ну, где-то на чердаке, нашли, в общем, и разорили это гнездо летучих мышей, их было штуки четыре, наверное. Ну вот они, в общем, у меня эти самые, вот, у меня были, мы с ними и сосуществовали. Ну, значит, этих самых мышей что-то они у меня летают тут по комнате утром как раз. Потом, значит, мы поса-

дили в это, и он говорит: ну что же давай, значит, к летучим мышам тебя отвезем. И вот мы когда, значит, поехали в лагерь уже, и этих мышей туда привезли в лагерь. Сколько их было, три или четыре их было, гнездо целое было. А потом Сережа с ними, мне невозможно, он все с ними как раз...

- А скажите, пожалуйста, вот он в письме одном пишет, что кошелку с мышатами, которую кошелку, которую прогрызли мышата, это вот те самые мышата, летучие? Где-то в одном из писем, сейчас найду.

- Нет-нет, это там просто мыши

Потому что когда приходили здесь, наши-то в оккупации тут оставались, И вот, когда перед самым приходом немцев, вообще, зря я это сделала, потому что они абсолютно не интересовались, им совершенно было безразлично, и то что вот журналов мы тогда много пожгли тогда все, когда , вот, должны были... Ни черта они на это не обращали внимания.

- Советские журналы?

- Да-да, ну такие очень уж много их там, помню, что многие вот там, где, вот, немцев, фашистов ругали, все вот в таком роде. Просто сожгли, потому что боялись, что...

- А дневник Вы вели в какие годы?

- А дневник я вела, как раз закончился этот дневник, как раз летом закончился в 25-м году. Потом уж я этот дневник не вела, у меня письма есть старые. А потом, когда это произошло, я вместо дневника вела вот эту, я показывала, книжку, в которой крестики каждый день . А дневник, в котором все были имена, фамилии за два года, я его сожгла. Как раз когда я связалась с московской организацией, все время я вела... Просто я подумала, что случись с нами что...

- А восстановить потом не пробовали?

- Нет-нет, все это слишком трудно.

- Вы знаете, я нашла это место, я...

- Это Сережа с ними, а что с ними потом дальше, я не знаю.

- А как они жили вообще? Они могли жить в условиях, вот, каких-то человеческих, человеческого жилья?

- Ну почему ж, они сидели, вот мы когда, вот, переезжали из этого из Рассудова в Галицино, мы пешком с этого, с ночевкой.Как раз я помню, как Сережа, значит, он с этими, они у него были, ночью-то они вылезали, значит, ночью там вот что-то, я не знаю.

Не помню, как он их там устраивал ночью, но как раз, вот переезжали, а потом в Галицино, вот, они там, там глухой лес был такой. Там между Звенигородом, значит, между двумя дорогами, вот, в середине там был очень глухой, большой лес. Там настолько был глухой лес такой, тогда даже, что, я сама не видела, но там даже кто-то видел наши, медведи даже ходили. Там малинники, прямо потрясающие были там малинники. Выйдешь туда и прямо ешь малину, как хочешь. Ну прямо обвисают эти ветки малины. И вот, говорят, что там кот-то даже видел там медведей. Потому что медведь приходил малину есть, и мы там тоже самое. Потом однажды там буря была, гроза была. И вот во время этой грозы мы сидели прямо, значит, у нас полянка такая была, где костер был и так полукругом стояли эти палатки. Ну и выйти невозможно было, ужасная буря была. И потом, когда мы после бури вышли, я только помню такой момент, что там оказалось, что сосны некоторые как-то так вот прямо цеплой,... высота немножко ниже этой комнаты, и кончая так подряд несколько сосен, прямо завалены все совершенно были. Могли на нас завалиться и все. Ну как-то так...

- Дача какая-то там, кухарки стряпают чего это там. Ну просто детский дом такой там выстроен. Нет, у нас просто голодовка вот. Уезжали в Востряковку, у нас была Востряковка под Москвой такой, нас туда... уезжали в лагерь, так там просто до того уж совсем не голодно было. Куда-то ходили в деревню, там значит покупали чего-то: картошку, хлеб там. Тогда хлеб в деревнях пекли еще.

- То есть были совершенно самостоятельными, да?

- Совершенно, да. Тогда палаток таких не было, как теперь делаются. Обычно их вот, холодные что ли. Ну так обычно всем распределяли, человек там если в патруле несколько. Когда раньше-то было, тогда хорошо, человек по шесть, по семь было в патруле. Каждый возьмет по полотнищу, ну чего ж особенного, в мешок свой, полотнище вот... Некоторые затыкали, были такие вот палки, которыми закалывали, палки такие вот. У меня, вот, где-то даже оставались, осталось две такие. Они совершенно невесомые такие вот были, алюминиевые какие-то палки вот тоненькие. А то просто на месте делали и все. Ташить-то нечего палки такие-то. Берешь сук, у него сучок здесь затыкаешь края-то, надо было заколоть обязательно. Вот там, например, мы делали палатки настоящие с проходами. Такую палатку делаешь примерно так вот: вот до сих пор глубина, палатка

сверху не до конца, там отопление, значит, делаешь, прорывается в ней дырка. Это мы несколько дней все равно делали. А потом там проходит труба, и она выходит за палатку эту труба. Там, значит, наставляется из комков из получается труба, тяга. Вот здесь подтягиваешь, теплые палатки можно в холод сидеть, а тут два... шесть человек в общем могли. В два полотнища палатка, ну нормально так шесть, значит, - два по краям и два здесь, шесть... У меня где-то есть остатки, но они уж совсем старые.

- А спали как вот ночью? Вы укрывались чем-то? Были спальники? Или одеяла?

- Ну кто что с собой привезет и все. Мы, когда ездили, были уже такие самостоятельные. Кто с собой чего возьмет. А, вообще, застилали обычно елками, очень хорошо. Ветками еловыми делали постель. Надо Вам сказать, что иногда постели, вот, делали по разному, кто как хотел. Делали вот так вот палатку, вот так вот она делалась, тут делалась по средине, печку делали, туда выходила. Ну печку, когда она холодная. А когда наспех, так без печки.

- Ага.

- около двух лет. Одна осталась, когда она стала что-то делать. Была наша начальница нашего отделения.

- А что значит, Вы сказали, что ей очень досталось. Это в ОГПУ ей досталось?

- У нее муж очень болел.

- А, вот последние годы.

- Да очень болел, и она была... Я с ней последний раз виделась, когда папина выставка была. Это было, значит, когда...

- В 83-ем?

- 83-м, по-моему, или в... да, в 83-ем. В 84-ом я еще ездила в Москву, но только не надолго. А с 84-го я ее не видела. Вообще, сейчас долго не могу, даже как-то днями бывает... вот иногда до сына дойти...

- Ага.

-

-

- Старый совсем.

- А что он преподавал князь Волконский?

- Что он преподавал? Что-то такое, географию что ли?

- Понятно.

- Что-то такое. Ну, вероятно, я не знаю, как он насчет учитель, в общем его изводили всегда. Из-за этого вот скандал-то у нас был, из-за него как раз был. Потому что вот этот самый

он, значит, что-то там, изводили его всячески, изводил вот. Девчонки заступались, потому что хоть он как учитель, он вообще был старый, он засыпал на уроке. Совсем старый был такой дядька. Один раз ~~запомнил~~ мне, единственный раз в жизни, получила кол я от него. Вообще так, когда он задавал кому-то, ну ему, значит, начинают отвечать, он, значит, сидит, сидит так тихонечко, дремлет. Вот Шурка у нас Андреев, он замечательно ему отвечал. Он как начнет, запомнит все прямо как в книжке напечатано, ну тот, значит, сидит слушает его. А я не умела, значит, начну что-то такое подыскивать слова там, останавливаться, он так.... Потом что-то, я не знаю, запнулась я что-то такое, ну и он, значит, поставил. При чем ведь тогда никаких не ставили оценок, удовлетворительная, неудовлетворительная только и все, но он все же поставил. Все эти тройка, четверка там, все это ставил, потом уж как-то переводили. Но он только у Гракова только там вот в этой был. Уж, вероятно совсем он старый был, уж, наверное, совсем был. Ну взял и поставил кол, поставил. Единственный кол получила.

- А языкам учили вас тогда?

- Мг. Ну так я не помню, что там нас учили. Там, вообще, больше были всякие учителя, старые были. У нас хорошие учителя, вот, когда нас в Травниковский перевели, там уже много, много было там, были замечательные, там у нас по химии была замечательная преподавательница. Кружок химический, кружки там,... а потом нам такого там дали замечательного по русскому языку.

- А как их звали, не помните?

- Ленский Павлик, он еще выходил так, складывал руки и говорил, значит: "Отвечает..." (смех).

- Ну у него, наверное, кто-то из родственников или родителей были священники, нет?

- Может быть, не знаю. По фамилии судя, можно так судить. Вот такой был. А это была Танька Мират.

- Как каменное изваяние сидящее.

— Да. Вот это Сухнов в мучительном настроении, мрачном настроении. Володька Шахунов . А это Шурка Андреев, но стерла, не дорисовала. Александр Андреев... Александр Алексеевич Андреев.

— А Вы не знаете их судьбы потом вот?

— Он комсомольцем стал потом, и в 30-х годах погиб. Как и многие комсомольцы того времени. По-моему, кто-то из нас очень хороший староста был. В нашем в этом, в Библиотечном институте училась, и вот он там был старостой у нас. Не не он, а я забыла, как его звали. Очень хороший был парень, комсомолец. Он такой идейный был, приятный, в общем, был такой. Вот с ним тоже что-то случилось в тридцатые годы. Но я

— МГ.

— то Шурке пришлось понятым быть при этом. Не знаю, какое он отношение имел, переживал очень, но в то время он отшел совсем

— Так он тоже был скаутом, да?

— Он был тоже скаутом.

— А вот этот Шахунов?

— И Шахунов был то же самое. Ну вот, когда Шурка был, я с ним как раз дружила, он хороший парень был. И когда он, когда мы уж перешли в тот, в другую школу, он мне как-то принес сверток такой, там книжки были, еще там что-то такое, в общем, все, что относилось к скаутам: на, тебе, говорит, я, в общем, комсомолец...

— Шахунов?

— Нет, не Шахунов. А этот, Шахунов там вот был, а этот самый, вот...

— Поняла.

— Саша, это наш учитель был, он украинец, вообще был происхождения, здесь единственно что только, он, вообще, здесь только то, что волосы у него вышли темнее лица. А у него, наоборот, у него светлые волосы были, усы были желтые совсем такие, так что обратное получается как негативное изображение. Вот замечательный был преподаватель. Это, вот, было в Травниковском, во второй гимназии, которой...

— А что он преподавал?

— Русский... язык. Он хитрый был. Он пришел первый раз к нам и, значит, посмотрел так на всех и начинает нам, а мы уже там были, значит, вот седьмой-восьмой класс. Ведь тогда девяти-

летка была, значит, перед окончанием. Он так это глянул и ну что ж давайте, говорит, диктант. Ну все диктант-то уж это в седьмом, в шестом классе писали...

У нас тогда хлеб-то какой был, Господи! Его по малу давали этого хлеба, так хлеб этот Вы бы на него сейчас смотреть бы не стали. Это прямо камочек какой-нибудь, черт его знает, из чего он там сделан. Зеленый какой-то был, прямо не знаю, что там солома в нем. Ужас, что такое было! И ограниченное количество давали. Голодовка была жуткая. Всемнадцатом мы не чувствовали еще, ну дорого было все, в общем, трудно было доставать, но все-таки это было еще терпимо. Восемнадцатый год, когда все это, еще было ничего. Вот девятнадцатый - самый тяжелый год. Девятнадцатый - самые тяжелые болезни, жуткие были. В девятнадцатом году мама тогда меня увезла под Москву, а там нам стали, во первых, давали, даже особо ослабленным еще давали дополнительное питание. Дополнительное питание - это, значит, обед там, когда полагался, ну не знаю, часа в два, наверное, а нам в двенадцать часов еще давали дополнительно ломоть хлеба, еще все-таки хлеб ведь был такой насамделешний. Еще или кусок сыра положен на него, или чем-то там, в общем, на него. Хлеб с булкой был дополнительное питание - УДП - усиленное питание, усиленное дополнительное питание - УДП. А потом, значит правда, нас поместили в художественное... Был этот сумасшедший дом там где-то ... Мытищи и Троицкое, вот там это отделение, филиал был Троицкое. Мытищи, Троицкое. Основное было в Мытищах, а вот там, значит, в Троицком... Сейчас это все в Москву входит, а раньше это все далеко было от Москвы, туда ездили. И вот там, значит, очень много освобождалось корпусов свободных было там. Вот, значит, отдали этому по скольку Наркомпросу, т.е. Наркомпросу...

- Наркомздрав.
- Наркомздрав. Вот, значит, Наркомздрав располагал этими... пустые помещения.
- А почему они пустовали, София Матвеевна? А почему они пустовали?
- Да потому что умирали, оттуда с голодухи умирали прямо.
- Умирали сумасшедшие, да?
- Конечно, масса умирало, масса умирало. Тогда, вообще, вез-

де народ умирал, с голоду прямо умирали. Так что там действительно голод был, прямо жуткий был голод. Вы не представляете себе, какой голод был! Я вот, когда мне иногда пугают, там чего-нибудь не будет, что там не будет, шут с ним там не будет, подумаешь не будет. Такой голод, я не знаю... Ну...

- А вот ваши братья и сестры, извините, София Матвеевна...

- А?

- Ваши братья и сестры?

- У меня не было.

- Не было? Никого?

- Никого. У меня был единственный, должен был быть брат, но моложе меня, но что-то случилось с мамой, или родился только умер, я не знаю, но в общем...

- Понятно. То есть Вы одна?

- Я одна... И у мужа тоже, у него сестра была маленькая, годовалая была, умерла. Тоже больше нет.

- Ага.

- Ну вот, когда вот эта книга была, когда мы еще только-только-только перешли туда, то я еще тогда не знала мужа. Потом познакомились. Вообще-то он, друг его Сережа был. Вот здесь, здесь где-то такое есть что он вроде выпил, пьяный, а он, вообще, никогда в жизни, у нас, вообще-то, не полагалось, никогда в жизни. Его заставили по половицам по каким-то тамходить, а он (смех) во все стороны В общем, всякие вот такие вот с ним нелепости какие-то случались. Что он о чем-то думал, никогда, ничего... Он поэт был, он стихи он очень хорошие писал. Где-то книжечка есть

- То есть Вы... эта дата не поставлена Чижовым? Да? Это не его дата?

- Ну, какой Чижов! Это я делала Володе подарок, я забыла, где-то у меня записано.

- Понятно. Я поняла.

- Нет. Он тогда в двадцать... В общем, когда мы поехали, приехали с Володей уже в... Я ведь его провожала туда, в Сибирь. Потом уехала кончать институт. Я, значит, уже летом кончила, а он там уже был, после Соловков. И вот, когда-то тут вот, я не вспомню когда, когда мы уже были в Сибири: я ли туда уже приехала или

перед этим... В общем там что-то началось. В 29-м году там начались какие-то... в Соловках.

- Ага.

- Как раз мы уехали в январе месяце с Соловков в 29-м году, а в 29-м году там всякие начались истории. И вот тогда все эти вот... Сейчас у меня эта книжка лежит, читаю ее...

- Галицина

- Галицина. Книга замечательная. Там эти все вот эти истории с его этим вот с сестры мужем все это. Это все 29-й - 30-й вот эти годы. Мы были в Сибири. В 29-м я еще как раз разоряли тогда наш институт.

Не институт, а отдел был. Считался от-

дел Детского чтения. Тогда все заставили убрать там в

переулке, оттуда, значит, в Политехнический музей свозить. Я как раз помогала им укладываться. В ноябре они начали упаковывать свертки, а потом я уехала в ноябре месяце. Вот в конце

Вот как раз был... Вот в эти

годы, когда там это вот, я не знаю, это произошло. Точно я даты не помню. Но что там ребята еще оставались в лагере, потому что Володя-то был... Он уехал раньше. И последний год он был уже в Кеми, его перевели, потому что думали, что, может быть, досрочно попадет. Его перевели еще в 28-м в последние... не то в начале, не то начало самое 27-го, то есть 28-го года, не то... В общем, в 28-м году он уже был в Кеми. Переведен. Но его ничего не освободили, наоборот, досрочно, еще лишнее там пришлось просилеть. Ну, в общем, он был, уже работал в Кеми. А ребята там все еще в основном все оставались, большей частью. Хотя Сережу тоже куда-то. Сережу куда-то такое очень плохо. Там их где-то в соленой воде по колено они стояли. Вот как раз тогда строили этот...

- Канал.

- Беломорканал-то здесь начали. Тогда еще там только строили.

- А Чижов пропал на Соловках, да?

- Он... Его куда-то вытребовали с Соловков. Тогда вот его, Ш-ш-ш этого...

- Шарыгина?

- Шарыгина тоже... Но Шарыгина он потом все-таки Володя как-то его в Ленинской библиотеке потом видел. Но какой-то, вообще такой, совсем мрачный стал. Что, вообще, у него дальше ничего не не знаем, что было... Он кончил. Что он там, как, не знаю, с ним

никакой связи не имели. А вот Чижов... Тоже его куда-то вытребовали, и он пропал. Ничего не известно. И вот так, таким же образом, но это позже, это пропал уже, это уже ваш ленинградский Тростра.

- Тростра

- Я не знаю, Вы, вообще, его знаете?

- Я знаю, что его дочь, по-моему, живет в Архангельске.

- Читайте.

- Из стихотворений Николая Чижова. Стихи записаны Софией Матвеевной в сорок первом году из дневников мужа в отдельную тетрадочку ему в подарок.

Бестрепетный вожатый корабля
Родился я в эпоху Магеллана,
И сделались покорны океаны
Упорству воли, твердости руля.

И странный где реял парус мой,
В воспоминаниях как тени живы,
И грезятся мне дальние заливы
С хрустальнойю и пенною волной.

Далекие исполненные мглы
Из безди морских брега рождают скалы.
Там огненные зори кровью али,
Там к надали слетаются орлы.

Иль белые сверкающие горы
Излучины, неведомые тучи,
Где Гелиос вычерчивает жгучий
По инею сверкающий узор.

Пропуск одного четверостишья.

Все в сумраке исчезнет: жизнь, моря,
Тень паруса с крестом из белых лилий,
Лишь светлыми останутся как были
Те издали знакомые края.

И времени изменчивая гладь
В беспротяженности прорвется. Буду
Над миром я, подобно изумруду,
Бесчисленными зорями пылать.

И ведаю, услышится вдали
Мне пение иного океана,
Мне спутнику седого Магеллана,
Изменчивость постигшего Земли.

Я пламенный мастер эпохи седой,
Палитре стойчестной вверяющий сны.
Ишу я с рассвета до бледной луны,
И яркие краски пылают чредой.

И взоры от кисти, поднявши
Дорогу я вижу в просвете окон,
Там слышится пенье, бубенчиков звон,
И мулов с поклажей ведет ндовотник.

Порою проскачут дружииники в ряд,
Вассалов к походу сзывает сеньор,
Кровавой битвой кончается спор,
И гибнут посевы, и села горят

Но битве внимая, спокоен и строг,
Склоняю я кисти над лицом Христа,
Лишь трепетно шепчут молитву уста,
Чтоб вражеский воин не встал на порог.

И если убийца, подкравшись во мгле,
Ударит кинжалом в горящую грудь,
То ведаю, дух мой найдет себе путь
К тому, чей я образ хранил на Земле.

А годы уходят, уходят чредой,
В бездонную вечность неслышно скользят.
К стоячей палитре склоняю я взгляд,
Я пламенный мастер эпохи сеющей.

- А почему?

— Я не знаю. Я не делала так. Я знаю, что три раза арестовывали.

— Значит, первый раз арестовали Вашего мужа? Он был один арестован?

— Нет, это я не считаю

Я говорю, что тех вот ребят всех арестовали. Я не знаю, как в Ленинграде, у нас вот так получилось. Моего мужа арестовали. Получилось так, что как раз он должен был что-то такое писать или что-то, в общем..., ему при-

несли... У нас был один, там через какое-то посольство доставали... Мы получали иностранные многие даже, иногда эти скаутские журналы, потому что я знаю, что я своими глазами видела французские видела, бельгийские видела того времени, потом какие-то были еще. И вот как раз к 25 ноября они у него были собраны эти все журналы. Что-то он должен был по ним какое-то, что-то написать. Какую-то работу нужно, и как раз его, значит, вот уже это одно наводит, что кто-то, что-то знал. Понимаете? Потом, значит, его... Все эти журналы, все эти забраны были. Из разных мест они были собраны, все они у него как раз дома находились. Потом... у него очень много, мама тогда рассказывала, что очень много забрали, все. А потом, потом у него, наверное много было такого, что, когда вот ребята уходили, которые отходили, тоже к нему приносили. Вот, например, мне же тоже ребята наши, вот которые переставали быть в организации, они приносили тем, которые оставались, свои вещи. Уничтожать не хотели, а просто приносили сдавали, отдавали. И вот, значит, мы ведь всю зиму мучались, я болела очень сильно тогда, к весне уже стало лучше. Вот с весны, летом я все время, мы ходили два раза в неделю, мы передачу делали.

- А Вы сказали в три приема их арестовывали.

- А никого не трогали, ребята ко мне приходили, были. Вот, как раз которые ко мне больше всех ходил, он не попал куда-то туда в Соловки, куда-то на юг. В разные места их потом ссылали. Я имею в виду тех, которых большой группой туда послали, в Соловки, а вообще посылали. Вот одного у нас там в, я знаю, что куда-то в Сибирь прямо сразу послали куда-то. Забыла место как называется, куда-то такое на север куда-то. По одиночке даже в разные места рассылали. Это были из... там много попало, как раз Сызринский вот, Между прочим, это упоминает. Вы читали эту...

- Галицина?

- Галицина.

- Я знаю, да, этот текст

- Знаете или читали?

- Нет, я плохо читала, то есть я отрывками читала.

- Прислали ее на... Я не помню, пасха когда тогда была. Ну что-то, в общем в апреле, когда, какого не знаю. Почему под пасху я знаю, потому что мы, как раз, с сестрой Ганешиной Мити, она, мы тогда, в то время с ней дружили, она уже теперь умерла, вот мы с этой Марусей ходили... Она ко мне часто бывала все, и когда

мы узнали, в общем, она вот сказала, что Митю и всех арестовали. И когда мы, значит, это узнали, мы пошли к жене Шарыгина, он был скаут-мастер. Он, вообще, такой чудной человек был, такой вот говорил не то, что... ну какой-то он со странностями был человек. Ну вот, как раз, он был женат, и тоже она была скаут у нас раньше. И у них ребенок маленький был, девочка была. И мы пошли с Марусей вдвоем в сочельник, то есть не в сочельник, в страстную, перед заутренней, мы пошли Римму эту навестить. Что там у них было. И мы, значит, туда с ней пришли, с Марусей, а там прямо разгром жуткий. Ну тогда арестовали всех, вот таких, главных, крупных. Как раз мы за дня за два до этого, я разговаривала, ко мне больше всех ходил тоже из НКПС, вот, у них этот был, который при полев...как-то она называлась эта школа. Ой, Господи, он вспоминает вот здесь вот в которой учился там...

- Голицын.

- Голицын, да вот как раз где он учился, я забыла, как по старому, там как раз в то время вот, она все время по фамилии устроителей, но они в это время уже не живы были эти устроители. Мужа и жену их обоих, они погибли. Вот как раз там они учились все. Вот большая часть наших попала, которых она вот в той школе учились. Это не из нашего отряда. А из нашего отряда мало, кто там был, там из других были.

- Это был второй этап уже арестов?

- Нет, это вот... это я...

- Это все первый?

- Это я с Володи считаю. Володя отдельно был тогда. А я не знаю, кого еще, где кого арестовали или нет, я не знаю. И тогда ходила только туда, на Лубянку. И вот мы там с... тогда я... даже зимой, даже, по-моему, не особенно ходили. Я не знаю, я больше, я почти всю зиму проболела. Я перед Рождеством заболела, и мама тогда, наверное, ходила к Володе, его мама, Володина.

- А потом в том...?

- Когда мы стали, уже я ходить стала как следует, и вот как раз мы с Петей познакомились. Это когда их арестовали, и вот попал его брат Митюха, и он уже собственно не был в организации Митя. Я никогда его не встречала, то есть я с ними знакома была, я его знала Митю, но что он имел, он был когда-то, но в то время он уже не был. Так же как вот этот Чижов, еще раньше он ушел из организации. Он просто последние годы, он там нигде не бывал, ни-

где, ничего. Вот они попали и тот, и другой попали. Потом и еще некоторые были такие, которые никакого отношения в то время не имели. Ни в лагерь не ездили, никуда, ничего. Митюха, например, он никуда не ездил, ничего, нигде не был. Ну он хоть дружил все время с ними, хоть был знаком. А...

- Ганешин, да?

- Ганешин. А вот Чиков, например, он совсем был в стороне как-то уж. Он отошел совсем. Володя, как раз, он болел перед этим очень сильно, у него был, как это бывает?...

- Плеврит.

- Плеврит был... Вот у меня, например, сухой все время скаживается, а у него был какой-то такой вот эксудативный пневмококк. Он потом прошел, обошелся совсем. Но через много лет я, вообще, он болел долго. И вот, когда он болел, он имел сношение только с Сережей. Я тогда, даже Сережа иногда упоминал, что вот я к товарищу пошел. Я только про него так это понесли слышала. А первый раз я его увидела, он, приехали они... это у нас Фатьянов, Николай Фатьянов перед этим умер. Он как раз умер, вот когда

усошись то была, поэтому меня запрещали его родные, что... в связи с каким-то юбилеем, каким-то пионерским, что вот как раз они тогда разделялись там как-то всех, но это уже было как раз, когда еще скаутское продолжалось, оставалось. Они правда там некоторые Фатьяновские они там розовые галстуки, красные эти носили. Мы с ними тоже вместе ездили, все это было

он как раз умер вот в это время. А потом у нас его всегда каждый год его день смерти отмечался, 5 июня. И мы 5 июня ездили, собирались 1-го. Это не лагерь был, а такой... собирались. И вот я 5 июня с ним и познакомилась в первый раз.

- А скажите, пожалуйста, София Матвеевна, а вот вторые аресты когда начались? Первые на Страстной, а вторые? Вот поэтапно шли аресты.

- Я не помню точно когда. Но в течение первых месяцев, там интервалы в две-три недели вот так вот были. Потом был второй арест уже поменьше, а потом уже летом был третий арест, тогда уже, вообще всякого. А потом просто стали высылать некоторых. Вот я знаю, что я уже в то время не имела просто связи, поэтому что мы ходили туда каждый месяц. Петя, например, который всегда ходил

так он тоже не имел связи никакой с организацией.

В Ленинграде была у нее сестра, работала врачом была в Ленинграде. Ей какую-то операцию там делали что-то. Я даже ходила к Марусе. А потом уже совсем У нас под Москвой где-то на Нижегородской, где-то такое, я забыла какой-то адрес. Вот это Тася может, она точно знает, потому что как раз она в Нижнем Новгороде была, и потом вот там как раз их была компания. Они там жили какой-то... Вот. Ее муж и там другие ребята, они нижегородцы были. Они жили под Москвой где-то такое. Учились, работали там. Я с ними связи не имела, я просто знала, что они существуют. А Тася с ними была связана, потому что она когда-то жила... Это ее знакомые, она знает, а я не знаю. От них у меня осталось только к салтыковцам или

- А где он печатался Русakov?

- А вот, по-моему, в этих есть. Я вот Вам показывала журналы.

- Ага.

- Русakov там есть.

- То есть Вы не знаете был он скаутом или нет, да? Георгий Русakov.

- Да, он был, потому что Володя там что-то поминает вот в этой

- Да-да, я помню этот текст. Да. Но мне казалось, что это тот Русakov, который был на Соловках до того. Он вместе с ними, в их компании был, да?

- Не могу Вам сказать.

- Соколовский был тоже как и Владимир Семенович в обществе... В Соловецком обществе краеведения, да?

- Да.

- А Вы знаете о взаимоотношениях вот в этом обществе, о том чем они занимались? Как они собирались? У Владимира Семеновича здесь есть дневник их собраний. В дневнике записано: собраний Соловецкого общества краеведения. А что он рассказывал об этом Вам.

- Вы знаете, особенно мы на эту тему не разговаривали. Больше делали эти вот, я Вам показывала. Пояс этот делали... Вообще то на отвлеченные темы говорили.

- А вот о человеке по имени Иванов?

- Иванов какой-то там был какой-то Иванов. Очень не симпатичный какой-то тип.